

POPULATION OF THE KARA-ABYZ CULTURE OF THE SOUTHERN CIS-URALS ACCORDING TO THE DENTAL ANTHROPOLOGY DATA

Natalya A. Leibova

Ph.D. / Senior Researcher / N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA), RAS
Russian Federation, Moscow / E-mail: nsuvorova@mail.ru / ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0635-0725>

Abstract. This paper examines anthropological characteristics of representatives of the Kara-Abyz archaeological culture, which has been described by A. Kh. Pshenichnyuk in the 1960s. It presents the main results of the study based on the dental anthropology materials from the following three burial grounds – Shipovo (the IV century BC – the III century AD), Okhlebenino (the II century BC – the II century AD) and Kara-Abyz-2 (the IV-II centuries BC). Primary goals of this study were to determine the key odontological features of the Kara-Abyz culture, to trace its origins and genesis, to identify and analyze the intergroup variations within this cultural unity and its relations with the other cultures of the Early Iron Age. In course of the study, the author analyzed 118 individuals according to 8 odontological parameters, for which the comparative data were available. Specifically, the series of the Kara-Abyz culture were compared with a number of other series of the Early Iron Age cultures from the territories of the Southern Cis-Urals, the Kama region, the Aral Sea region, Central Kazakhstan, Western Siberia and forest-steppe Altai. As a result, it was revealed that representatives of the Kara-Abyz culture belong to the Western odontological branch. Despite local differences in several characteristics between the Kara-Abyz series from the three burial grounds under study, it could be claimed that populations, who left them, were odontologically similar as most variations are random in nature. However, it is worth mentioning some specificity associated with the southernmost of three burial ground – Okhlebenino. A comparative analysis conducted by the author has demonstrated that the Kara-Abyz populations, who built this burial ground, had very close and complex relations with nomads of the Southern Cis-Urals, the Aral Sea region and forest-steppe Altai. Taking into account a high level of mobility of nomads during the Early Iron Age and the multicomponent structure of their anthropological composition, it is yet impossible to speak about the exact nature and character of these relations. It should be noted that odontological series from the Okhlebenino burial ground look similar to those discovered at the Aldygan burial ground (the Kulai culture) and in the Irtysch river region (the Sargat culture). These facts allow to suggest that relations between representatives of the Kara-Abyz culture and the populations of the taiga Trans-Ural region were not limited by cultural exchanges. At the same time, similarities between representatives of the Kara-Abyz culture, the Ananyino culture and the Pyany Bor culture of the Kama region identified using craniological data are not supported by the results of the dental anthropology analyses.

Key words: Kara-Abyz culture, Early Iron Age, Southern Cis-Urals, paleoanthropology, early nomads, dental anthropology, Shipovo burial ground, Okhlebenino burial ground, Kara-Abyz-2

Citation. Leibova N., 2021. Population of the Kara-Abyz culture of the Southern Cis-Urals according to the dental anthropology data. *Ufimskij arkheologicheskij vestnik* [The Ufa Archaeological Herald]. 2021. Vol. 21, no. 1, pp. 118-127. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.011>

НАСЕЛЕНИЕ КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ ПО ДАННЫМ ОДОНТОЛОГИИ

Наталья Александровна Лейбова

канд. ист. наук / старший научный сотрудник

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН / Российская Федерация, г. Москва
E-mail: nsuvorova@mail.ru / ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0635-0725>

Аннотация. Работа посвящена палеоантропологии кара-абызской археологической культуры. Изучение кара-абызских древностей неразрывно связано с именем А.Х. Пшеничниока, исследовавшим основные поселенческие и погребальные памятники и обосновавшим выделение кара-абызской культуры еще в 1960-е годы. Богатый палеоантропологический материал, полученный, в том числе, усилиями А.Х. Пшеничниока, до настоящего времени не введен в полной мере в научный оборот. Целью нашего исследования является анализ одонтологических материалов из давно известных науке крупнейших некрополей кара-абызской культуры – Шиповского и Охлебининского, а также недавно открытого мо-

гильника Кара-Абыз-2. В результате было установлено, что погребенные в этих могильниках в целом близки между собой по особенностям морфологии зубной системы (при некотором своеобразии группы из Охлебинино) и демонстрируют широкие связи с ранними кочевниками степей Южного Приуралья, юго-западного Приаралья и лесостепного Алтая, а также с населением Западной Сибири, оставившим памятники саргатской и кулайской культур.

Ключевые слова: кара-абызская культура, ранний железный век, Южное Приуралье, палеоантропология, ранние кочевники, одонтология, Шиповский могильник, Охлебининский могильник, Кара-Абыз-2

Цитирование. Лейбова Н.А., 2021. Население кара-абызской культуры Южного Приуралья по данным одонтологии // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21, № 1. С. 118-127. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.011>

Памятники кара-абызской культуры, выделенной в 1960-е годы А.Х. Пшеничнюком [Пшеничнюк, 1964, 1968], привлекли внимание исследователей еще в конце XIX – начале XX вв. Начало изучению памятников было положено Ф.Д. Нефедовым, осуществившим первые раскопки на городище Кара-Абыз в 1894 г. [Пшеничнюк, 1973]. За более чем вековую историю изучения этой яркой и самобытной культуры был накоплен значительный археологический материал, ставший поводом для многочисленных дискуссий относительно проблем сложения и развития кара-абызской культуры, ее хронологических этапов и дальнейшей судьбы ее носителей [см. обзор: Воробьева, 2019].

Опорными памятниками кара-абызской культуры являются Охлебининский и Шиповский могильники – крупнейшие некрополи лесостепной зоны Южного Приуралья эпохи раннего железа. Шиповский комплекс, включающий могильник и городище, находится в 25 км юго-восточнее г. Уфы, на правом высоком и обрывистом берегу р. Белая. Памятник был открыт в 1956 году А.П. Шокуровым и, начиная с 1965 г., работы по археологическому изучению могильника проводились под руководством А.Х. Пшеничнюка, И.М. Акбулатова, В.Н. Васильева, В.В. Овсянникова, А.Н. Султановой и Н.С. Савельева. Было выявлено, в частности, что могильник делится на две части – курганную и грунтовую. Курганы датируются IV-I вв. до н.э., а основная масса грунтовых погребений – не ранее I в. до н.э. [Овсянников и др., 2007].

Охлебининский грунтовый могильник расположен в 3,3 км к юго-востоку от центра с. Охлебинино, в устье р. Сим (Иглинский р-н Башкортостана). Открыт памятник в 1964 г. Г.И. Матвеевой, в 1965 и 1980-82 гг. исследовался А.Х. Пшеничнюком, в 1999 г. – Г.Н. Гарустовичем и Н.С. Савельевым, в 2009 – В.В. Овсянниковым. На сегодняшний день в могильнике изучено более 600 погребений кара-абызской культуры, датирующихся IV в. до н.э. – III в. н.э.

Грунтовый могильник Кара-Абыз-2 был выявлен Н.С. Савельевым недалеко от городища Кара-Абыз-1, в 30 км к северу от центра г. Уфы, сравнительно недавно – в 2011 году. В 2011-2012 гг. совместной экспедицией НИЦ «Наследие» и РОО «Археологическое общество РБ» на могильнике были изучены 29 погребений, датирующихся IV-II вв. до н.э. [Савельев, 2015].

Материалы кара-абызской культуры давно привлекают внимание и палеоантропологов. Носители кара-абызской культуры рассматриваются в роли антропологического массива, на основе которого шло сложение финно-угорских народов региона. К сожалению, несмотря на то, что изученные могильники являются крупнейшими в регионе и содержат по несколько сот погребений, краниологический материал, доступный для исследований, не столь многочислен. Первые антропологические данные были представлены М.С. Акимовой, давшей краниометрическую характеристику серии Биктимировского могильника из раскопок А.Х. Пшеничнюка, материалы которой охватывают ранний этап существования кара-абызской культуры (III-II вв. до н.э.). Серия состояла из 7 мужских черепов, 6 женских и 1 детского [Акимова, 1968].

Изучение палеоантропологии кара-абызской культуры было продолжено С.Г. Ефимовой, которая дала краниологическую характеристику серий Шиповского и Охлебининского могильников [Ефимова, 1981; 1991]. Из Шиповского могильника С.Г. Ефимовой были изучены черепа из ранних раскопок А.Х. Пшеничнюка, происходившие, главным образом, из ранней, курганной части могильника – всего 16 черепов (11 мужских и 5 женских) IV в. до н.э. – I в. н.э. Охлебининский могильник представлен 20 черепами (11 мужских и 9 женских) из погребальных комплексов II в. до н.э. – I в. н.э.

Согласно заключению С.Г. Ефимовой, кара-абызские серии близки между собой и примыкают к пьяноборским. Она приходит к выводу, что, вероятно, в последние века I тыс. до н.э. и первые века н.э. население Нижнекамья и правобережья Белой имело близкий антропологический облик [Ефимова, 1981]. Сколько-нибудь заметного влияния пришлых сарматских и гафурийских групп на морфологические (краниологические) характеристики кара-абызского населения выявлено не было. Однако, следует заметить, что данные по краниологии были рассмотрены в региональном масштабе, т.е. только на фоне групп Урало-Поволжья, антропологическая же дифференциация населения савромато-сарматского ареала анализировалась отдельно.

В большой обобщающей работе по палеоантропологии населения Восточной Европы,

С.Г.Ефимова, вслед за Р.М.Юсуповым [1991], допускает, что кочевое население степей могло участвовать в формировании кара-абызского населения, но специально в это направление исследования она не углубляется [Ефимова, 2002].

После довольно длительного перерыва к краниологическим материалам кара-абызской культуры обратился А.И. Нечвалода. Им впервые дана характеристика серии грунтового могильника Кара-Абыз-2, исследовавшегося в 2011-12 гг. [Нечвалода, 2012]. Кроме того, он продолжает краниометрическое изучение серий из крупных некрополей – Шиповского и Охлебининского, раскопки которых возобновились в 2000-е годы и дали новый материал [Нечвалода, 2016]. А.И. Нечвалода произвел межгрупповое сопоставление суммарных мужских серий из могильников кара-абызской культуры с краниологическими сериями ананьинской и пьяноборской, с одной стороны, и сериями кочевников Южного Приуралья и Зауралья, с другой. В результате, объединенная выборка из Шипово и Охлебинино, исследованная им, продемонстрировала близость с сериями из Тетюшского, Кушулевского, Камышлы-Тамакского, Чегандинского могильников, а черепа из могильника Кара-Абыз-2 – с серией из Биктимировского могильника.

Одонтологическое изучение материалов из могильников кара-абызской культуры только начинается. На сегодняшний день были опубликованы лишь данные по Шиповскому могильнику [Лейбова, 2018]. Актуальность расширения этих исследований не вызывает сомнений: наши представления об одонтологии населения Европейской части России эпохи раннего железа базируются почти исключительно на кочевом населении степного пояса. Оседлое же население лесной зоны представлено материалами из широко известного Луговского могильника, который чуть ли ни единственный и фигурирует в одонтологических работах [Гравер, 1987; Аксянова, 2017]. Есть еще дан-

ные Г.В. Рыкушиной по Икскому и Тарасовскому могильникам пьяноборской культуры, Покровскому и Ижевскому мазунинской культуры, но опубликованы они по неполному набору признаков и без указания числа наблюдений, что затрудняет привлечение их для межгрупповых сопоставлений [Рыкушина, 2000].

Материалы и методы исследования

По одонтологической программе изучены 69 индивидов из Шиповского могильника [Лейбова, 2018]. Были сформированы две, к сожалению, неравновесные выборки. Шипово (1): 47 индивидов из ранней курганной части могильника и переходного периода (IV в. до н.э. – I в. н.э., раскопки 1976, 1991, 2006, 2008 гг. А.Х. Пшеничнюка, В.Н. Васильева, В.В. Овсянникова и А.Н. Султановой). Шипово (2): 22 индивида из поздней грунтовой части (II-III вв. н.э., раскопки 1990, 1991, 1993 гг. В.Н. Васильева и В.В. Овсянникова). Изученные материалы находятся на хранении в НИИ и Музее антропологии МГУ (коллекционная опись 229), Институте истории, языка и литературы УФИЦ РАН и Центре физической антропологии ИЭА РАН (только зубы отдельных индивидов).

В серию Охлебининского некрополя вошли материалы из раскопок А.Х. Пшеничнюка 1981 года (погребения п-Б, п-П, 38 кост. 2, 246, 291 кост. 4, 306 кост. 4, 326 кост. 4, 344 кост. 4, 357 (2 инд.), 485, 509) и В.В. Овсянникова 2009 г. (раскоп П, погребения П, III, V (2 инд.), IX, X-XI, XIII-XV, б/№) – всего 24 индивида, хранящиеся в ИИЯЛ УФИЦ РАН.

Могильник Кара-Абыз-2 представлен данными по 25 индивидам (из погребений 6-8, 12, 14-16, 17, 21, 24, 27, 28, 30-33, 35, 36, 38, 41, 43-46, 49), также хранящимся в ИИЯЛ УФИЦ РАН.

В качестве сравнительных привлечены серии эпохи раннего железа с территории Южного Приуралья, Прикамья, Приаралья, Центрального Казахстана, Западной Сибири и лесостепного Алтая (табл. 1).

Таблица 1

Серии эпохи раннего железа, привлеченные для сравнительного анализа

Table 1

Archaeological series of the Early Iron Age used for the comparative analysis

№	Памятник	Культура	Территория	Датировка	Источник данных
1	Шипово (1)	кара-абызская	Южный Урал	IV в. до н.э. - I в. н.э.	Лейбова, 2018
2	Охлебинино	«	«	II в. до н.э. - II в. н.э.	Лейбова Н.А.
3	Кара-Абыз-2	«	«	IV-II в. до н.э.	«
4	Луговской	ананьинская	Прикамье	VII-VI в. до н.э.	Аксянова, 2017
5	Икский	пьяноборская	«	III в. до н.э. - II в. н.э. (?)	Рыкушина, 2000
6	Тарасовский	«	«	п.п. I тыс. н.э.	«
7	Тарасовский	мазунинская	«	«	«
8	Покровский	«	«	IV-V вв. н.э.	«
9	Ижевский	«	«	«	«
10	Покровка-10	прохоровская	Южное Приуралье	IV-II вв. до н.э.	Суворова, 2008
11	Покровка-10	позднесарматская	«	II-IV вв. до н.э.	«
12	Казыбаба	савроматская	Юго-Западное Приаралье	V-I вв. до н.э.	Багдасарова, 2000
13	Казыбаба	позднесарматская	«	III-I вв. н.э.	«
14	Лебедевка	раннесарматская	Южное Приуралье	VI-III вв. до н.э.	Сегеда, 2006

15	Новый Кумак	«	«	IV-III вв. до н.э.	«
16	Сборная серия тасмолинской культуры	тасмолинская	Центральный Казахстан	VIII-V вв. до н.э.	Бейсенов и др., 2015
17	Алдыган	кулайская	Томско-Нарымское Приобье	V-II вв. до н.э.	Аксянова и др., 2004
18	Дордуль, Гичгельды, Бейнау, Кемал-кыр, Назаркак, Ханалыкыр, Шахсенем, Тамыр-кая-3	узбойская	Северо-западный Туркменистан	I в. до н.э. – IV в.н.э.	Аксянова, Гельдыева, 2002
19	Алтынасар 4	джетыасарская	Восточное Приаралье	VII в. до н.э. – VII в.н.э.	Рыкушина, 1995
20	Косасар 2 (грунтовые)	«	«	V в. до н.э.	Рыкушина, 1993
21	Косасар 3, Томпакасар, Бедаикасар	«	«	не позднее IV н.э.	«
22	Фирсово-14	староалейская	Лесостепной Алтай	VI-V вв. до н.э.	Лейбова, Тур, 2020
23	Обские плёсы-2, Тузовские бугры	«	«	VI-V вв. до н.э.	«
24	Рогозиха-1	каменная	«	VI-III вв. до н.э.	«
25	Объездное-1	«	«	V-IV вв. до н.э.	«
26	Камень-2	«	«	V-III вв. до н.э.	«
27	Кирилловка-3	«	«	V-III вв. до н.э.	«
28	Новотроицкое-1,2	«	«	V-III вв. до н.э.	«
28	Масляха-1	«	«	III-II вв. до н.э.	«
30	Быстровка-3	«	Новосибирское Приобье	III-I вв. до н.э.	Кишкурно, 2018
31	Гаевский-1, Гладунино, Гилевский-2, Дачный-2, Карасье-9, Красногорский борок, Мысовской, Нечунаево-1, Нижне-Ингальский-1, Ольховский и др.	саргатская	Притоболье	III в. до н. э. — II в. н. э.	Слепцова, 2020
32	Абатский-1, Фоминцевский, Лихачевский, Кокуй-3, Вавилон, Равнец, Кош-Карагай-2	«	Приишимье	III в. до н. э. - II в.н.э.	«
33	Бешаул II, III, IV, Карташово-2, Богданово-1, 2, Красноярка, Новооболонь, Горная Бития, Калачевка, Стрижево-2, Исаковка-3	«	Прииргышые	III в. до н. э. - II в.н.э.	«
34	Гришкина Заимка, Марково-1, Старый Сад-1, Венгерovo-7	«	Барабинская лесостепь	III в. до н. э. – I в.н.э.	«

Описание морфологии зубов проводилось по стандартной программе в сериях, объединенных по полу [Зубов, 1968; 1979; Зубов, Халдеева, 1993]. В настоящей статье обсуждаются восемь ключевых одонтоскопических признаков, позволяющих осуществить межгрупповое сопоставление на широком сравнительном фоне (табл. 2).

Результаты и обсуждение

Наше представление об одонтологическом статусе серии складывается на основе анализа соотношения черт восточного и западного одонтологических стволов и степени редукции зубной системы. Опорными (но не единственными) призна-

Table 2
Odontological characteristics of the archaeological series related to the Kara-Abyz culture

	Шипово (1)		Шипово (2)		Охлебинино		Кара-абыз-2	
	(IV в. до н.э. – I в.н.э.)		(II–III вв.)		(II в. до н.э. – II в.н.э.)		(IV–II вв. до н.э.)	
	%	N	%	N	%	N	%	N
shov I ¹ (2+3)	7.7	13	50.0	2	0.0	5	7.7	13
M ₁ 6	0.0	35	6.7	15	5.6	18	4.8	21
dw M ₁	38.5	13	33.4	3	23.1	13	37.5	16
dtc M ₁	5.0	20	14.3	7	17.7	17	5.9	17
cara (2–5) M ¹	25.0	20	25.0	8	61.6	13	57.2	14
Hy (3,3+)M ²	13.4	30	12.5	16	37.5	8	15.4	13
M ₁ 4	14.3	35	6.7	15	16.7	18	9.6	21
M ₂ 4	85.8	35	94.8	19	72.8	11	94.5	17

* Условные обозначения одонтологических признаков: *shov I¹ (2+3)* – лопатообразность верхних центральных резцов (баллы 2 и 3), *M₁6* – шестибугорковые первые нижние моляры, *dw M₁* – коленчатая складка метаконида на первом нижнем моляре, *dtc M₁* – дистальный гребень тригонида на первом нижнем моляре, *cara (2–5)M¹* – бугорок Карабелли на первом верхнем моляре (баллы 2–5), *Hy (3,3+)M²* – форма второго верхнего моляра, *M₁4* – четырехбугорковые первые нижние моляры, *M₂4* – четырехбугорковые вторые нижние моляры.

ками для оценки выраженности восточного комплекса являются лопатообразная форма верхних резцов, шестибугорковые формы первых нижних моляров, наличие дистального гребня тригонида и коленчатой складки метаконида на первом нижнем моляре (LM1). Наиболее высоким таксономическим рангом из перечисленных обладает фен «лопатообразная форма верхних резцов». Именно он вызывает, как правило, и наибольшие затруднения в анализе. Основная причина тому – частая утрата верхних резцов в ходе расчистки погребений и дальнейшего хранения палеоантропологического материала. Кроме того, снижает общее число наблюдений значительная стертость коронок резцов и прижизненная их утрата. В анализируемых нами сериях только в группе Шипово(1) и Кара-Абыз-2 для наблюдения были доступны более 10 центральных резцов, которые показали идентичные низкие частоты лопатообразных форм (7,7%). Значение 50% для серии Шипово(2) можно проигнорировать, т.к. оно получено всего на двух образцах.

Низкие частоты шестибугорковых LM1 в трех рассматриваемых могильниках отражают единичные случаи присутствия этих дифференцированных форм первых нижних моляров. В Шипово(1) они полностью отсутствуют (табл. 2). Коленчатая складка метаконида на LM1 демонстрирует довольно высокие значения в большинстве изученных групп (33,4–38,5%), несколько реже встречаясь в серии из Охлебинино (23,1%). Такие частоты характерны для современных финно-угров, а на палеоматериале, как правило, связываются с уралоидным компонентом. По частоте дистального гребня Охлебинино вновь выделяется: частота его выше, чем в Шипово и Кара-Абызе-2 (17,7%).

Определяющими для западного комплекса выступают частоты бугорка Карабелли на первом верхнем моляре (UM1), четырехбугорковых форм первого и второго нижних моляров. Частота встре-

чаемости бугорка Карабелли в обеих выборках из Шипово одинакова и принимает, если можно так выразиться, неопределенное значение – 25%, попадающее в зону трансгрессии и встречающееся как у монголоидов, в смешанных группах, так и у южных европеоидов. Кара-Абыз-2 и Охлебинино заметно отличаются высокими частотами этого фена – 57,2 и 61,6%.

Значения частот четырехбугорковых нижних моляров делят наши серии на две группировки. Шипово(1) и Охлебинино объединяют повышенные частоты четырехбугорковых LM1 (14,3% и 16,7%), характерные для представителей западного одонтологического ствола и позволяющие отнести группы к кругу грацильных вариантов. При этом процент редуцированных вторых моляров несколько снижен в масштабе этого класса зубов (до 85,8–72,8%). Схожую картину отмечала Г.А. Аксянова на материалах населения античного времени северо-запада Туркменистана и трактовала ее как возможное проявление архаичных черт в строении ряда нижних моляров [Аксянова, Гельдыева, 2002]. В Шипово(2) и Кара-Абызе-2 уровень редукции первых нижних моляров не столь высок, тяготеет скорее к кругу матуризованных вариантов (в Кара-Абызе-2 – пограничное значение признака), при этом вторые нижние моляры у них, напротив, сильнее редуцированы (94,5–94,8%).

Степень редукции гипоконуса на втором верхнем моляре в изученных сериях в основном находится на одинаково низком уровне и не превышает 15,4%. Исключение вновь составляет Охлебинино, где частота признака повышается до 37,5%. Однако, к этой особенности серии надо относиться с осторожностью ввиду мало числа наблюдений (всего 8).

Таким образом, население кара-абызской культуры относится к представителям западного одонтологического ствола. Несмотря на мозаичные локальные отличия по нескольким признакам,

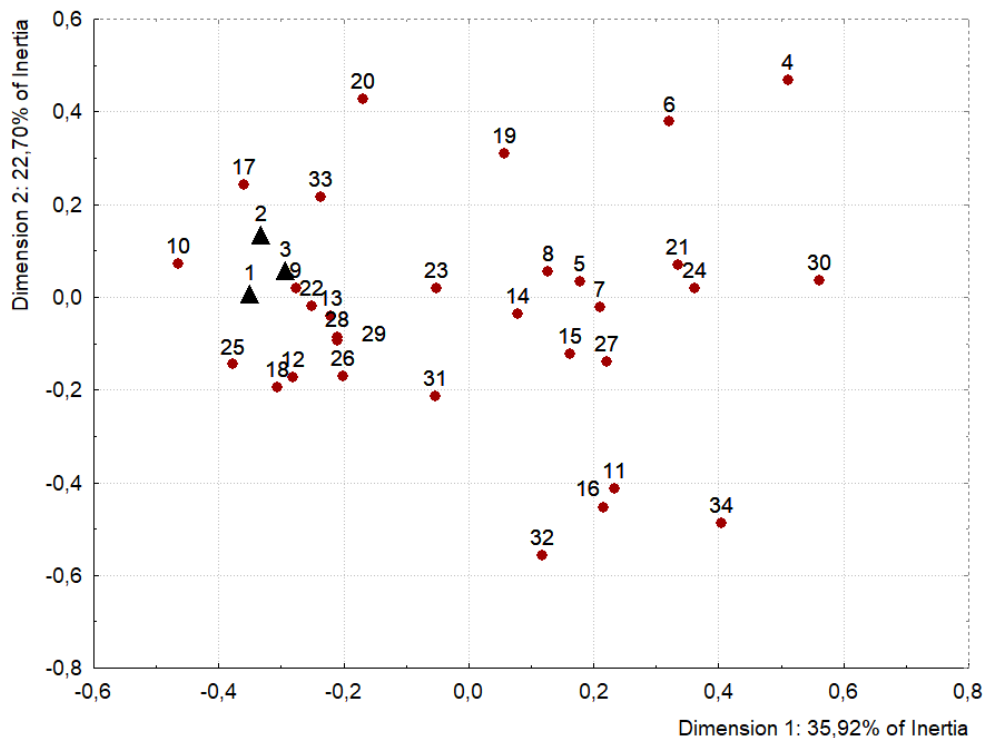

Рис. 1. Положение серий кара-абызской культуры на фоне групп раннего железного века по результатам корреспондентного анализа. Сведения о группах в таблице 1.

1 – Шипово (1); 2 – Охлебинино; 3 – Кара-Абыз-2; 4 – Луговской; 5 – Икский; 6 – Тарасовский (пьяноборская культура); 7 – Тарасовский (мазунинская культура); 8 – Покровский; 9 – Ижевский; 10 – Покровка-10 (прохоровцы); 11 – Покровка-10 (поздние сарматы); 12 – Казыбаба (савроматы); 13 – Казыбаба (поздние сарматы); 14 – Лебедевка; 15 – Новый Кумак; 16 – тасмолинская; 17 – Алдыган; 18 – Узбой; 19 – Алтынасар 4; 20 – Косасар 2; 21 – Косасар 3; 22 – Фирсово-14; 23 – Обские плесы-2; 24 – Рогозиха-1; 25 – Обьездное-1; 26 – Камень-2; 27 – Кирилловка-3; 28 – Новотроицкое-1-2; 29 – Масляха-1; 30 – Быстровка-3; 31 – саргатская (Притоболье); 32 – саргатская (Пришимье); 33 – саргатская (Прииртышье); 34 – саргатская (Бараба)

Fig. 1. Place of the Kara-Abyz series among the other cultural groups of the Early Iron Age according to the correspondence analysis. Information about the groups presented in Table 1.

1 – Shipovo (1); 2 – Okhlebenino; 3 – Kara-Abyz-2; 4 – Lugovskoy; 5 – Iksky; 6 – Tarasovsky (the Pyany Bor culture); 7 – Tarasovsky (the Mazunino culture); 8 – Pokrovsky; 9 – Izhevsky; 10 – Pokrovka-10 (the Prokhorov culture); 11 – Pokrovka-10 (Late Sarmatians); 12 – Kazybaba (Sauromatians); 13 – Kazybaba (Late Sarmatians); 14 – Lebedevka; 15 – Novy Kumak; 16 – Tasmola; 17 – Aldygan; 18 – Uzboy; 19 – Altynasar 4; 20 – Kosasar 2; 21 – Kosasar 3; 22 – Firsovo-14; 23 – Obskie plesy-2; 24 – Rogozikha-1; 25 – Ob'ezdnoe-1; 26 – Kamen'-2; 27 – Kirillovka-3; 28 – Novotroitskoe-1-2; 29 – Maslyaha-1; 30 – Bystrovka-3; 31 – Sargat (the Tobol river region); 32 – Sargat (the Ishim river region); 33 – Sargat (the Irtysh river region); 34 – Sargat (Baraba)

анализ их частот позволяет говорить об отсутствии каких-либо резких различий в одонтологических комплексах населения, оставившего могильники Шиповский, Охлебининский и Кара-Абыз-2. При этом нельзя не отметить определенную специфичность, характерную для серии из самого южного могильника – Охлебининского.

На следующем этапе анализа попытаемся определить место кара-абызского населения на фоне сравнительных серий эпохи раннего железного века с территории Прикамья, Приуралья, Западной Сибири, лесостепного Алтая и др. Нами был использован корреспондентный анализ или анализ соответствия (Correspondence Analysis), охватывающий набор из семи признаков (табл. 2). Мы не стали включать в анализ такой признак как редукция гипоконуса на втором верхнем моляре, т.к. число наблюдений по нему в серии из Охлебинино менее 10, однако оставили лопатообразность верхних резцов (число наблюдений – 5, но при этом частота – 0,0%). Ввиду малой численности большинства признаков, мы вынуждены исключить из многомерного статистического анализа серию Шипово (2), включающую материалы из

поздних грунтовых погребений II-III вв. н.э.

Оставшиеся серии кара-абызской культуры расположились на графике очень компактно, что подтверждает наш вывод об отсутствии заметных различий в одонтологических комплексах изученных групп.

К серии из Шипово (1), включающей материалы из курганной части могильника, определенную близость продемонстрировали группы кочевников: прохоровское население из Покровки-10, савроматы юго-западного Приаралья из могильника Казы-баба, носители каменной культуры лесостепного Алтая из Обьездного-1, а также сборная серия узбойской культуры северо-западного Туркменистана.

В масштабе сравниваемых серий нивелировалась специфичность выборки из Охлебининского могильника, проявившаяся на кара-абызском фоне. Из групп, привлеченных для сопоставления, наибольшую близость к ней продемонстрировали серии кулайской культуры Томско-Нарымского Приобья из Алдыгана и саргатской – с территории Прииртышья.

Население, оставившее могильник Кара-Абыз-2, показывает более тесные связи с некоторыми сравнительными группами, нежели остальные. Максимальное сходство проявляется с серией из Ижевского могильника мазунинской культуры, что не является неожиданностью и подкрепляет выводы археологов о сложении мазунинской культуры Прикамья (III-V вв. н.э.) на основе местных традиций, включая кара-абызские на юге [Пшеничнюк, 1971]. Однако остальные группы, представляющие население Прикамья ананьинской, пьяноборской и мазунинской археологических культур, находятся на графике на значительном удалении от всех кара-абызских, что обусловлено более выраженным восточным комплексом в их морфотипе за счет повышения частот лопатообразности верхних резцов.

Остальные серии, демонстрирующие близость к Кара-Абызу-2, принадлежат населению степного пояса: вновь кочевники лесостепного Алтая, на этот раз оставившие могильник Фирсово-14 староалейской культуры и поздние сарматы из могильника Казы-баба. На некотором удалении к этой группе примыкают и несколько серий каменной культуры лесостепного Алтая (Новотроицкое-1, -2, Камень-2 и Масляха-1).

Полученную на графике картину не стоит трактовать слишком буквально. Близость групп не обязательно является свидетельством прямых генетических связей, но несколько общих закономерностей мы все же видим. Безусловно, данные одонтологии свидетельствуют о том, что носители кара-абызской культуры относятся к единому в антропологическом отношении массиву населения

европеоидного облика с некоторой долей присутствия восточных характеристик в его одонтологическом комплексе. Население это было вовлечено в сложные межпопуляционные контакты с кочевниками степей Южного Приуралья, Приаралья и лесостепного Алтая. Учитывая мобильность кочевников эпохи раннего железа и многокомпонентность их антропологического состава, на данном этапе исследований пока сложно определить направление вектора этих взаимодействий [Лейбова, Тур, 2020].

В археологических работах широко дискутируется наличие таежных западносибирских и лесостепных зауральских элементов, принявших участие в сложении населения, оставившего, в частности, Шиповский могильник [Иванов, 1980]. Логично возникает и вопрос, было ли это культурное заимствование или появление этих компонентов связано с перемещением более или менее значительных групп населения с других территорий. Близость серий из могильника Алдыган кулайской культуры и сборной саргатской серии из Прииртышья указывает на то, что эти связи не ограничивались только культурным влиянием.

Общность антропологического состава носителей кара-абызской культуры и населения ананьинской и пьяноборской культур территории Прикамья, которая прослеживается по краниологическим данным, данными одонтологии пока не поддерживается. Но следует иметь в виду, что, к сожалению, одонтологические и краниологические серии, привлекаемые для сравнительного анализа, происходят в основном из разных памятников и имеют различный территориальный охват.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 119 с.

Аксянова Г.А. Луговской могильник раннего железного века: одонтологическая характеристика // Человек и среда: актуальные проблемы антропологии и археологии. Материалы всероссийского науч. конф. с междунар. участием VII Алексеевские чтения, памяти академиков В.П. Алексева и Т.И. Алексеевой (22-25 мая 2017, Казань). Тезисы. Программа конференции. Казань: ООО «Озон», 2017. С. 10.

Аксянова Г.А., Боброва А.И., Яковлев Я.А. Могильник Алдыган – некрополь раннего железного века кулайской культуры // Вестник антропологии. Вып. 11. 2004. С. 54-75.

Аксянова Г.А., Гельдыева Г. Морфологические особенности зубной системы населения античного времени северо-запада Туркменистана // На путях биологической истории человечества. Т. II / Отв. ред. А.А. Зубов, Г.А. Аксянова. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 5-55.

Багдасарова Н.А. Одонтологическая характеристика кочевников Устюрта савромато-сарматского времени (по материалам могильника Казы-баба) // Этническая антропология Средней Азии.

Вып. 2. Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии / Отв. ред. Г.В. Рыкушина, Н.А. Дубова. М.: Старый сад, 2000. С. 113-124.

Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тыс. до н.э. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 188 с.

Воробьева С.Л. Лесостепная часть Южного Приуралья в эпоху раннего железа: история изучения вопроса и перспективы исследований // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 268-291.

Гравере Р.У. Этническая одонтология латышей. Рига: Зинатне, 1987. 238 с.

Ефимова С.Г. К краниологии раннего железного века Волго-Камья // Вопросы антропологии. Вып. 67. 1981. С. 64-73.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991. 98 с.

Ефимова С.Г. Население Восточной Европы в эпоху железа и позднеримское время // Восточные славяне. Антропология и этническая история / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Научный мир, 2002. С. 279-306.

Зубов А.А. Одонтология. Методика антрополо-

гических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.

Зубов А.А. Заключение // Этноческая одонтология СССР / Отв. ред. А.А. Зубов, Н.И. Халдеева. М.: Наука, 1979. С. 229-251.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропофенетике. М.: Наука, 1993. 226 с.

Иванов В.А. Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками великого пояса степей в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы Всесоюзной археологической конференции. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 74-84.

Кишкурно М.С. Происхождение носителей каменной культуры Новосибирского Приобья по одонтологическим данным из могильника Быстровка-3 (III-I вв. до н.э.) // Camera praehistorica. 2018. № 1. С. 134-147.

Лейбова Н.А. Новые данные к антропологии населения кара-абызской культуры Южного Приуралья (по материалам Шиповского могильника) // Этногенез. История. Культура: III Юсуповские чтения. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Рината Мухаметовича Юсупова, г. Уфа, 23 ноября 2018 г. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 128-133.

Лейбова Н.А., Тур С.С. Одонтологические особенности населения лесостепного Алтая скифского времени // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4. С. 171-186.

Нечвалода А.И. Новые краниологические материалы кара-абызской культуры из могильника Кара-Абыз II // Этнос. Общество. Цивилизация: III Кузеевские чтения (г. Уфа, 28 сентября 2012 г.). Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2012. С. 249-251.

Нечвалода А.И. Палеоантропология кара-абызской культуры южного Приуралья // Тезисы XVII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий». 20-22 апреля 2016 г. Томск. URL: <http://zsaek.tsu.ru>

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Пшеничниук А.Х. Биктимировский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. II / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1964. С. 215-231.

Пшеничниук А.Х. Охлебенинский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 59-104.

Пшеничниук А.Х. Племена раннего железного века в Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Т. IV / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1971. С. 89-92.

Пшеничниук А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. V / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162-243.

Рыкушина Г.В. Материалы по одонтологии джетыасарской культуры. Грунтовые погребения могильников Косасар 2, Косасар 3, Томпакасар, Бедаикасар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. Джетыасарская культура. Ч. II. Могильники Томпакасар и Косасар. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 194-205.

Рыкушина Г.В. Одонтологическая характеристика населения джетыасарского времени (по материалам могильников Алтынасар 4) // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V. Джетыасарская культура. Ч. V. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 290-303.

Рыкушина Г.В. Современное население Среднего Поволжья и Вятско-Камского междуречья по данным одонтологии // Антропология современных финно-угорских народов / Отв. ред. А.А. Зубов. М.: б/и, 2000. С. 100-136.

Савельев Н.С. Некрополь городища Кара-Абыз: хроника выявления, научного изучения и разграбления // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. Вып. 1(2). 2015. С. 14-15.

Сегеда С.П. Ранние сарматы Южного Приуралья по данным одонтологии (на материалах могильника Лебедевка) // Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI-II вв. до н.э.). М.: Восточная литература РАН, 2006. С. 155-159.

Слепцова А.В. Происхождение и хронологическая динамика состава населения саргатской культуры эпохи раннего железного века Западной Сибири по одонтологическим данным // Camera praehistorica. 2020. № 1(4). С. 139-155.

Суворова (Лейбова) Н.А. Одонтологическая характеристика ранних кочевников Южного Приуралья по материалам могильника Покровка-10: (Предварительное сообщение) // Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М.: Восточная литература РАН, 2008. С. 87-95.

Юсупов Р.М. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. Уфа: Китап, 1991. 35 с.

REFERENCES

Akimova, M.S. 1986, "Anthropology of the ancient populations of the Cis-Urals". Nauka, Moscow, 119 p. (In Russ.)

Aksyanova, G.A. "Lugovskoye burial ground dated to the Early Iron Age: odontological characteristics", *Chelovek i sreda: aktual'nye problemy antropologii i arkheologii. Materialy vserossiiskoi nauchnoi*

konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. VII Alekseevskie chteniia, pamiati akademikov V.P. Alekseeva i T.I. Alekseevoi. (22-25.05.2017, Kazan). Tezisy. Programma konferentsii ("Human and environment: modern problems of anthropology and archaeology. Materials of all-Russian scientific conference with the foreign participants. VII Alekseev's readings, in mem-

ory of academicians V.P. Alekseev and T.I. Alekseeva (22-25 May 2017, Kazan) Abstracts. The programme of the conference”). Kazan, 2017, p. 10. (In Russ.)

Aksyanova, G.A., Bobrova, A.I., & Yakovlev, Y.A. 2004, “Aldygan burial ground – necropolis of the Kulai culture dated to the Early Iron Age”, *Vestnik antropologii*, vol. 11, pp. 54-75. (In Russ.)

Aksyanova, G.A., Geldyeva, G. “Morphological features of the dental system of the ancient population in the north-west of Turkmenistan”, *Na putiakh biologicheskoi istorii chelovechestva* (“On the routes of the biological history of the mankind”). Moscow, 2002, pp. 5-55. (In Russ.)

Bagdasarova, N.A. “Odontological characteristics of the nomads of Ust-Yurt in the Sauromatian-Sarmatian times (based on materials from the Kazybaba burial ground)”, *Etnicheskaya antropologiya Srednei Azii. Iss. 2. Antropologicheskie i etnograficheskie svedeniia o naselenii Srednei Azii* (“Ethnic anthropology of the Soviet Central Asia. Iss. 2. Anthropological and ethnographic data concerning the population of the Soviet Central Asia”). Moscow, 2000, pp. 113-124. (In Russ.)

Beisenov, A.Z., Ismagulova, A.O., & Kitov, E.P., Kitova, A.O. 2015, “Population of Central Kazakhstan in the I millennium BC”. A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, 188 p. (In Russ.)

Vorobeva, S.L. 2019, “Forest-steppe part of the Southern Cis-Urals during the Early Iron Age: history of the studying the research problem and research perspectives”, *Archaeology of Eurasian steppes*, no. 2, pp. 268-291. (In Russ.)

Gravere, R.U. 1987, “Ethnic odontology of the Latvians”. Zinatne, Riga, 238 p. (In Russ.)

Efimova, S.G. 1981, “On the craniology of the Early Iron Age in the Volga-Kama region”, *Voprosy antropologii*, vol. 67, pp. 64-73. (In Russ.)

Efimova, S.G. 1991, “Paleoanthropology of the Volga region and the Cis-Urals”. Izd-vo MGU, Moscow, 98 p. (In Russ.)

Efimova, S.G. “Population of Eastern Europe during the Iron Age and the Late Roman times”, *Vostochnye slavyane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya* (“East Slavs. Anthropology and ethnic history”). Moscow, 2002, pp. 279-306. (In Russ.)

Zubov, A.A. 1968, “Odontology: Method of the anthropological research”. Nauka, Moscow, 200 p. (In Russ.)

Zubov, A.A. “Conclusion”, *Etnicheskaya odontologiya SSSR* (“Ethnic odontology of the USSR”). Moscow, 1979, pp. 229-251. (In Russ.)

Zubov, A.A., Haldeeva, N.I. “Odontology in anthropological phonetics”. Nauka, Moscow, 1993, 226 p. (In Russ.)

Ivanov, V.A. “Cultural relations between the settled tribes of the Cis-Urals and the nomads of the Great Steppe in the Early Iron Age (to the formulation of the problem)”, *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo. Materialy Vsesoiuznoi arheologicheskoi konferentsii* (“Scythian-Siberian cultural and historic unity. Materials of the All-union archaeological conference”). Kemerovo, 1980, pp. 74-84. (In Russ.)

Kishkurno, M.S. 2018, “The origins of representatives of the Kamensk culture in the Novosibirsk Ob region according to the odontological data from the Bystrovka-3 burial ground (III-I century BC), *Camera praehistorica*, no. 1, pp. 134-147. (In Russ.)

Leibova, N.A. “New data on the anthropology of the population of the Kara-Abyz culture of the Southern Cis-Urals (based on the materials of the Shipovsky burial ground)”, *Etnogenez. Istoriya. Kultura: III Yusupovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvyashchennoj pamyati Rinata Muhametovicha Yusupova, g. Ufa, 23 noyabrya 2018 g.* (“Ethnogenesis. History. Culture: III Yusupov’s readings. Materials of the International scientific conference in memory of Rinat Muchametovich Yusupov, Ufa, 23 November 2018”). Ufa, 2018, pp. 128-133. (In Russ.)

Leibova, N.A., Tur, S.S. 2020, “Odontological features of the of the population of the forest-steppe Altai in the Scythian time”, *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, no. 4, pp. 171-186. (In Russ.)

Nechvaloda, A.I. “New craniological materials of the Kara-Abyz culture from the Kara-Abyz II burial ground”, *Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiia: III Kuzeevskie chteniia (g. Ufa, 28 sentiabria 2012 g.). Sbornik materialov* (“Ethnos. Society. Civilization: III Kuzeev’s readings (Ufa, 28 September 2012)”). Ufa, 2012, pp. 249-251. (In Russ.)

Nechvaloda, A.I. “Paleoanthropology of the Kara-Abyz culture of the Southern Cis-Urals, *Tezisy XVII Mezhdunarodnoi Zapadnosibirskoi arheologo-etnograficheskoi konferentsii “Vostok i Zapad: problemy sinkhronizatsii etnokulturnykh vzaimodeistvii. 20-22 apreliia 2016 g.* (“Abstracts of the XVII International West Siberian archaeological and ethnographic conference “East and West: problems of the synchronization of the ethnic and cultural relations”. 20-22 April 2016”). Tomsk, 2016. url: <http://zsaek.tsu.ru> (In Russ.)

Ovsyannikov, V.V., Savelev, N.S., & Akbulatov, I.M., Vasilev, V.N. 2007, “Shipovo burial ground in the forest-steppe Cis-Urals”. Gilem, Ufa, 166 p. (In Russ.)

Pshenichnyuk, A.H. 1964, “Biktimirovo burial ground”, *Arheologiya i etnografiya Bashkirii*, vol. 2, pp. 215-231. (In Russ.)

Pshenichnyuk, A.H. 1968, “Okhlebenino burial ground”, *Arheologiya i etnografiya Bashkirii*, vol. 3, pp. 59-104. (In Russ.)

Pshenichnyuk, A.H. 1971, “The Early Iron Age tribes in Bashkiria”, *Arheologiya i etnografiya Bashkirii*, vol. 4, pp. 89-92. (In Russ.)

Pshenichnyuk, A.H. 1974, “The Kara-Abyz culture (population of Central Bashkiria at the turn of the eras)”, *Arheologiya i etnografiya Bashkirii*, vol. 5, pp. 162-243. (In Russ.)

Rykushina, G.V. “Materials on the odontology of the Dzhetyasar culture. Ground burials of the burial grounds Kosasar 2, Kosasar 3, Tompakasar, Bedaikasar”, *Nizovyya Syrdari v drevnosti. Iss. III. Dzhetyarskaya kultura. Part. II. Mogil'niki Tompakasar i Kosasar* (“The Lower reaches of the Syr Darya in the

Ancient times. Iss. III. The Dzhetyasar culture. Part. II. Tompakasar and Kosasar burial grounds”). Moscow, 1993, pp. 194-205. (In Russ.)

Rykushina, G.V. “Odontological characteristics of the population of the Dzhetyasar time (based on materials from the Altynasar 4 burial grounds)”, *Nizovaya Syrdari v drevnosti. Iss. V. Dzhetyasarskaya kultura. Vol. V.* (“The Lower reaches of the Syr Darya in the Ancient times. Iss. V. The Dzhetyasar culture. Part. V.”) Moscow, 1995, pp. 290-303. (In Russ.)

Rykushina G.V. “Modern population of the Middle Volga region and the Vyatka-Kama interfluvium according to odontology”, *Antropologiya sovremennykh finno-ugorskiy narodov* (“Anthropology of the modern Finno-Ugric peoples”). Moscow, 2000, pp. 100-136. (In Russ.)

Savelev, N.S. 2015, “Necropolis of the Kara-Abyz settlement: chronicle of the identification, scientific study and looting”, *Izvestiya Arheologicheskogo obshchestva Respubliki Bashkortostan*, vol. 1(2), pp. 14-15. (In Russ.)

Segeda, S.P. “The early Sarmatians of the South-

ern Cis-Urals according to odontology (based on the materials from the Lebedevka burial ground)”, *Drevnosti Lebedevki (VI-II vv. do n.e.)* (“Antiquities of Lebedevka (the VI-II centuries BC)”). Moscow, 2006, pp. 155-159. (In Russ.)

Slepцова, A.V. 2020, “The origins and the chronological dynamics of the composition of the population of the Sargat culture in the Early Iron Age Western Siberia according to odontology”, *Camera praeistorica*, no. 1(4), pp. 139-155. (In Russ.)

Suvorova, (Lejbova) N.A. “Odontological characteristics of the early nomads of the Southern Cis-Urals based on the materials from the Pokrovka-10 burial ground: (Preliminary report)”, *Stepnoe nasele-nie Yuzhnogo Priuralya v pozdnesarmatskoe vremya* (“The steppe population of the Southern Cis-Urals in the late Sarmatian time”). Moscow, 2008, pp. 87-95. (In Russ.)

Yusupov, R.M. 1991, “Historical anthropology of the South Urals and the formation of the Bashkirs race type”. Kitap, Ufa, 35 p. (In Russ.)